

ДОКТРИНЫ

Нина Дыс (Одесса)

ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ И КРИТИКА КЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ АБСТРАКЦИИ В ФИЛОСОФИИ ЭРНСТА КАССИРЕРА

В современной философии и методологии науки понятие рассматривается в качестве одной из наиболее важных форм научного мышления. Революционные достижения в области современного естествознания и математики рубежа XIX-XX столетий во многом связаны с переосмыслением «старых» понятий и с установлением их нового смысла, с использованием новых способов образования и введения этих понятий (теория относительности, квантовая физика, интуиционистская математика и т.д.). Анализ истории постановки проблемы образования понятий показывает, что на протяжении достаточно продолжительного периода, она формулировалась и находила разрешение в пределах аристотелевской теории абстракции. Именно аристотелевская формальная логика оказалась тем фундаментом, на основании которого стало возможным построение какой-то принципиально новой теоретической системы. При этом классическая концепция понятия (в частности, ее аристотелевский вариант) не раз оказывалась объектом критического анализа - как со стороны собственных приверженцев, так и со стороны оппонентов. Одним из критиков классической логики был неокантианец Эрнст Кассирер (1874-1945). И хотя в рамках не только неокантианства в целом, но и отдельных его школ, наблюдается разнообразие зачастую, противоположных друг другу тенденций и точек зрения на те или иные вопросы; более того, многие исследователи отмечают факт выхода теоретических систем многих «ортодоксальных» представителей неокантианства за границы установившейся традиции (сказанное относится и к теоретическим построениям «позднего» Кассирера) - обозначенная нами проблема образования понятий, их специфики (безотносительно к области их функционирования), является общей для большинства представителей рассматриваемого философского направления.

Работа Кассирера «Substanzbegriff und Funktionsbegriff. Untersuchungen über die Grundfragen der Erkenntniskritik» («Понятие о субстанции и понятие о функции. Исследования основных вопросов критики познания»), изданная в 1910 г., содержит в себе законченную теорию понятия. Перевод на русский язык - единственный на сегодняшний день - выпол-

нен Б. Столпнером и П. Юшкевичем (1912). Русский вариант заглавия, не совпадающий с оригиналом, имеет определенный смысл. Очевидно стремление авторов перевода выделить, таким образом, с одной стороны, проблему соотношения «познания» и «действительности» в качестве основной, определяющей всю направленность кассиреровского исследования (теорию образования понятия, в частности), перенеся эту проблему из области «чистой логики» (именно в этих рамках формулирует ее сам Кассирер) в область онтологии; и, с другой, показать значение этой работы, выходящей за рамки узко-логической проблематики. Задача данной статьи состоит как раз в том, чтобы определить, насколько оправдан такой перенос.

Действительно, в Предисловии к своей работе, обосновывая необходимость данного исследования (первоначальная цель формулируется им как «определение функции понятия и сведение ее к ее предпосылкам»), и далее, анализ конкретных научных дисциплин «во всей совокупности их принципиальной конструкции» [2, с. 6], и выявление господствующей и поддерживающей эту конструкцию единой основной функции) и отмечая несостоятельность «устоявшихся» точек зрения в исследуемой области, - Кассирер говорит также о расширении первоначально намеченного исследовательского поля. Такая трансформация сформулированных ранее задач связана, по определению самого автора, с переходом «от чисто логических основных определений к понятию о познании действительности» [2, с. 6]. Обусловленная «переходом» такого рода, проблема соотношения познания и действительности, мышления и бытия, оказывается зависимой «от определенных логических предпосылок, определенных взглядов на природу понятия и суждения» [2, с. 6].

Эта особенность справедлива, по мнению Кассирера, для всех без исключения попыток постановки проблем подобного рода: изменение позиции в отношении природы логической формы с необходимостью (хотя и косвенным образом) влечет за собой изменение способа постановки проблемы, ее формулировки. «Система познания, - говорит Кассирер, - не допускает ни одного изолированного “формального” определения, которое не сказывалось бы затем на всей совокупности проблем познания и их решений. Составленная для себя исследователем концепция основной формы понятия непосредственно переходит поэтому в обсуждение тех “реальных вопросов”, которые по традиции относятся к “критике познания” или к “метафизике”» [2, с. 7]. Исходя из такой интерпретации автором собственного произведения, - предпринятое переводчиками кассиреровской работы изменение ее названия представляется небезосновательным (хотя, и не вполне корректным по отношению к авторскому тексту).

Отправная точка исследования Кассирера - фиксация нового понимания научного знания: речь идет об изменении его оснований (в первую очередь, логических). Выдвинутый Кантом тезис о неизменности традиционной, Аристотелевой логики, очевидно, должен рассматриваться именно в этом ключе: отсутствие прогресса в данной области расценивалось как наглядное свидетельство достоверности классической логики и ее реального статуса. Однако это последнее предположение было опровергнуто результатами новейших для того времени конкретнаучных исследований - именно на их материале построено исследование Кассирера. И именно в канторовской теории множеств (разработанной почти на два десятилетия ранее) он видит ту «цель», тот принцип, который объединяет все, ранее не связанные друг с другом, проблемы классической формальной логики. С другой стороны, благодаря этому принципу, действие которого, по мнению Кассирера, распространяется на область естествознания, существует возможность рассмотрения классической логики во взаимосвязи с конкретными научными дисциплинами. Такого рода «систематическая координация» требует, в свою очередь, тщательного анализа основных логических предпосылок.

Кассиреровский анализ классической логики основывается на следующем допущении: логическая теория Аристотеля - это отражение его метафизической теории. Собственно, он делает акцент на взаимозависимости любой теории и ее логических предпосылок. «Ядро» аристотелевской метафизики составляет учение о сущности и расчленении бытия. Аристотель в «Категориях» выделяет два типа «сущностей», определяя «первую сущность» как ту, «которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем» (2а 12-14) [1, с. 55] (Аристотель отождествляет ее с субстанцией); ко «вторым сущностям», соответственно, относятся «те, к которым как к видам принадлежат сущности, называемые так в первичном смысле, - и эти виды, и их роды» (2а 14-17) [1, с. 55-56]. Основывающаяся на этих определениях традиционная теория образования понятий оказывается, таким образом, не только темой, задавшей круг проблем, методов их решения в рамках научной и философской рефлексии, но также и фактором, определившим «угол зрения» по отношению к этим проблемам. И множество, на первый взгляд, революционных попыток изменения, переформулирования «традиционной иерархии проблем», так или иначе строится в рамках той же традиционной «теории о родовом понятии» (*Gattungsbegriff*): меняется «не материальный центр тяжести системы, но лишь внешнее расчленение ее элементов» [2, с. 13]. Любая попытка реформирования теории через ее подчинение каким-то новым принципам оказывается несостоятельной, так как эти принципы часто не только противоречат ис-

ходной теории, но разрушают ее. Отсюда следует и вывод относительно дальнейшей исследовательской задачи: «критика формальной логики сводится к критике общего учения об образовании понятия» [2, с. 13].

Основные положения классической теории образования понятий популярно изложены, в частности, в «Опыте о человеческом разумении» Дж. Локка (кассиреровскую концепцию понятий некоторые называют «антилокковской»). В этой работе знание в целом характеризуется тем, что оно «хотя и основано на единичных вещах, но расширяется благодаря общим воззрениям, чему прямо содействует сведение вещей в виды под общими названиями» [3, с. 467] (оперирование общими терминами - попросту удобно). Вот локковский вариант основного закона классической теории абстракции - закона обратного отношения между объемом и содержанием понятия: «идеи становятся общими оттого, что от них отделяют обстоятельства времени и места и все другие идеи, которые могут быть отнесены лишь к тому или другому отдельному предмету. Посредством такого абстрагирования идеи становятся способными представлять более одного индивида, и каждый индивид, имея в себе подобность с такой отвлеченной идеей, принадлежит [...] к этому виду» [3, с. 467-468].

По мнению Кассирера, подобные положения классической теории абстракции достаточно хорошо вписываются в обыденное мировоззрение, сочетаются со здравым смыслом, и, именно по этой причине, с трудом могут быть представлены в качестве объекта критического анализа: в воззрениях такого рода, говорит он, - «предполагается лишь наличие самих вещей в их, на первый взгляд, необозримом многообразии и способность духа извлекать из этой массы индивидуальных единичных существований те моменты, которые общи множеству подобных существований» [2, с. 13]. «Эта концепция [...] не нарушает и не портит единства естественного образа мира. Понятие не является чем-то чуждым миру чувственной действительности, оно образует часть самой этой действительности [см. 2, с. 14]. Но за внешней простотой и непротиворечивостью могут скрываться определенные трудности, парадоксы, свидетельствующие об ограниченности классической теории абстракции, описывающей процесс образования понятий при помощи подобной схемы.

Действительно, с каждым новым уровнем абстракции за счет увеличения объема понятия, происходит уменьшение его содержания. По Локку, конечным продуктом, полученным в результате процесса обобщения оказывается некое предельное понятие - «всеобщее»¹. По мнению же Кассирера, тот факт, что под такое понятие предельной степени обобщенности (используя его терминологию - «абстрактное представ-

ление о “ничто”» [2, с. 15]) мы можем подвести «любое мыслительное содержание» [2, с. 15], исключает возможность придания ему какого бы то ни было специфического значения. «Нечто», таким образом, оказывается «пустотой», «логическим ничто», а результат подобного рода попросту не соответствует основному критерию научного понятия - строгой однозначности определения (противопоставленной «первоначальной неопределенности и многозначности содержания представлений» [2, с. 15]). Вывод очевиден: «Если цель, к которой приводит, в конце концов, этот метод образования понятий, упирается в пустоту, то неизбежно возникают и сомнения в целесообразности всего ведущего к этому пути».

Во-вторых, трактовка процесса обобщения как селекции общих признаков рассматриваемых объектов, явлений, при игнорировании специфических черт, означает, что мы «на место первоначальной конкретной совокупности ставим голый частичный состав» [2, с. 15]. Абстракция, понятая в негативном плане - как «устранение частных случаев» - означает нивелирование (и, следовательно, потерю) всех своеобразных, присутствующих единичным понятиям свойств. Согласно Кассиреру, понятие определенной степени обобщенности должно было бы представлять собой «существенный» момент, определяющий целое, но «обобщение» при помощи правила образования родового понятия не гарантирует того, что «извлекаемые нами из любого комплекса объектов общие признаки содержат именно те характерные черты, которые господствуют и определяют собой всю совокупную структуру членов комплекса» [2, с. 15]. Он иллюстрирует это свое положение, при помощи следующего примера, позаимствованного им у Лотце: «Если [...] мы подводим вишни и мясо под группу красных, сочных, съедобных тел, то мы таким путем получаем не какое-нибудь пригодное логическое понятие, а лишь ничего не значащий набор слов, не дающий нам ровно ничего для понимания отдельных случаев» [2, с. 15].

Обозначив, таким образом, некоторые из проблем, возникающих вследствие попыток объяснения процесса образования понятий с помощью традиционной теории абстракции, Кассирер делает вывод относительно недостаточности одного этого правила, понимаемого исключительно в качестве формального. Для «снятия» парадоксов, подобных описанным, по его мнению, необходим какой-то иной «логический критерий». Таким «критерием», связывающим аристотелевскую (и, как следствие, локковскую) формальную логику и метафизику, является понятие как «реальная форма, служащая нам порукой за каузальную и телеологическую связь отдельных вещей»² [2, с. 15].

По мнению Кассирера, «определение понятия через его ближайший высший род и через отличительный признак отображает то поступатель-

ное движение, путем которого реальная субстанция развертывает последовательно свои частные формы бытия. И с этим основным понятием о субстанции постоянно связаны и чисто логические теории Аристотеля. Полная система научных дефиниций была бы в то же время полным выражением субстанциальных сил, господствующих над действительностью» [2, с. 17].

Сама попытка разграничения сферы бытия на различные уровни и их классификация (например, бытие как «вещественное существование» и бытие, «обозначающее простое отношение в суждении») предполагает допущения существования некоего «вещественного субстрата, который должен первоначально быть налицо» [2, с. 18]. Анализ аристотелевских категорий позволяет сделать вывод относительно системообразующего характера «сущности», занимающей главенствующее положение по отношению к другим категориям, выделенным Стагиритом; так, в частности, «соотнесенное» в «Категориях» определяется как «то, о чем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому» (ба 36-38) [1, с. 66]; очевидно, что в данном случае Аристотель определяет категорию «соотнесенного» через категорию «сущности».

Локк не придает «отношению» категориального статуса, но выделяет его как «тип понятий», указывая, в то же время, на его несамостоятельный характер. Выделив наряду с «субстанциями» как относительно самостоятельными образованиями, и «модусами» как их «свойствами», «отношение», - английский философ характеризует его как результат соотнесения отдельных идей; «отношение», таким образом, вторично по сравнению с «субстанцией»³.

Итак, говорит Кассирер, «основное категориальное отношение вещи к ее свойствам остается отныне руководящей точкой зрения, между тем как все относительные (релятивные) определения рассматриваются лишь постольку, поскольку их можно каким-либо образом истолковать, как присущие некоторому субъекту или группе субъектов состояния» [2, с. 18] (примером здесь может послужить принятая в классической логике редукция категории отношения к «внесущественным» признакам понятия). Значит, возможно различное понимание сущности взаимоотношения между «понятием о вещах» и «понятием об отношениях»; более того, речь идет о важнейшем методологическом «разногласии» между двумя «типическими формами логики» - логикой Аристотеля, основывающейся на «понятиях о вещах», и логикой, основывающейся на «понятии об отношении». Причем Кассирер говорит не столько о каких-то внешних, лежащих на поверхности формулировках, положениях (зафиксировав которые можно было бы отнести ту или иную философскую, логическую систему к одному из двух направлений), сколько о не

всегда осознанном допущении определенного принципа, полностью предопределяющего направленность и специфику системы в целом.

Так, проблема метафизической действительности понятий, известная также как «спор об универсалиях», несмотря на очевидную противоположность позиций участников данной дискуссии, предполагает, в качестве необходимой (и, как правило, не оказывающейся предметом рефлексии) предпосылки общую позицию в трактовке понятия как «универсального рода», «общей составной части целого ряда однородных или сходных единичных вещей» [2, с. 19]. Без осмысления исследователем этого фундаментального допущения не представляется возможным понимание им самой сути проблемы реальности универсалий. За рамки аристотелевской логики не вышла и так называемая «психологическая теория понятия», во многом, казалось бы, переосмыслившая традиционную теорию абстракции. Так и не сумев изменить исходную «схему», она лишь перенесла ее в «иное измерение» - из области «вещей» в область их психических коррелятов. «Конечным продуктом» этого процесса оказывается не что иное, как все тот же аналог аристотелевской «субстанциальной формы».

Отсюда, Кассирер формулирует проблему границ применения традиционной логической системы. Тип понятий, которым занята аристотелевская логика - это тип родовых понятий описательного и классифицирующего естествознания. И в рамках биологии (основной задачей которой является не столько выделение специфических черт объекта, сколько определение общей для этих объектов «формы», то есть образование родо-видовых понятий при нивелировании этих черт), описанная классическая теория абстракции является весьма удобным инструментом научного исследования. Но она оказывается несостоятельной в применении к материалу точных наук. Базовые понятия геометрии - точка, линия, поверхность - уже не могут быть представлены в качестве того «голого частичного состава» данного налицо физического тела. Из этого делается вывод относительно их специфики: «Математические понятия, получающиеся путем генетической дефиниции, путем мысленного установления конструктивной связи, отличаются от эмпирических понятий, являющихся простым изображением каких-нибудь данных фактически в наличной действительности черт. Если в последнем случае имеется налицо все многообразие вещей, которое требуется сжать, свести к какому-нибудь сокращенному, словесному или логическому, выражению, то в первом случае, наоборот, дело идет лишь о том, чтобы создать многообразие, составляющее предлог рассмотрения, и это получается тем, что из простого акта полагания [Setzung], путем прогрессирующего синтеза, выводится систематическая связь мысленных образов. Голой “абстракции” здесь противостоит своеоб-

разный акт мышления, свободное творчество определенных связей отношения» [2, с. 23].

Итак, указав на принципиальное отличие математических понятий от понятий, формулирующихся в некоторых других естественнонаучных дисциплинах (при этом вовсе не отрицается адекватность и своеобразное удобство этого второго типа понятий), Кассирер указывает на факт существования двух типов обобщения, разнящихся задачами, способом их формулировки, и собственно методами. В рамках самой теории образования родовидовых понятий, являющейся объектом критики Кассирера, указанная проблема, касающаяся различного понимания сущности процесса (и результата) обобщения, его - в этом отношении - противоречивого характера, вполне осознавалась; соответственно, намечались и пути ее разрешения.

Так, одним из вариантов «снятия» данной проблемы явилась позитивистская концепция индуктивной логики, разработанная Дж. Ст. Миллем. Последний интерпретировал математические понятия в качестве выражения конкретных физических фактов; математика (точнее, арифметика и геометрия), в соответствии с этим, понимается как совокупность простых высказываний об определенных группах представлений. Однако, сама попытка обоснования ценности и специфического значения таких, применяемых в данной сфере методов как счисление и измерение, посредством апелляции к точности и «верности образов воображения», сталкивается с некоторой трудностью: если до этого момента Милль указывал на определенное сходство (более того, зависимость) математических понятий и первоначальных впечатлений (связанных с конкретными «фактами»), то теперь адекватность данных понятий, по его мнению, обусловлена самой спецификой этих положений, имеющих дело не с «высказываниями насчет конкретных фактов, но с отношениями между гипотетическими образами» [2, с. 24] (значит, первоначальное «сходство» между понятием и впечатлением исключено). Кассирер отмечает очевидную непоследовательность в рассуждениях Милля и объясняет саму возможность ее возникновения следующим образом: «“Абстракция”, как она до сих пор понималась, - говорит он, - не изменяет [...] состава сознания и объективной действительности, но проводит в нем только пограничные линии и подразделение: она обособляет составные части чувственного впечатления, но не прибавляет к ним никакого нового данного. В дефинициях же чистой математики, как показывают рассуждения самого Милля, не столько передается мир чувственных вещей и впечатлений, сколько преобразуется и заменяется совсем иным миром. Если внимательно следить за тем, как совершается это преобразование, то нам открываются особые определенные формы отношения, перед нами возникает расчлененная система строго различ-

ных логических функций, которые совсем не умещаются - и еще менее обосновываются - в однотонной схеме “абстракции”» [2, с. 25].

Подобные выводы Кассирер считает справедливыми и в отношении понятий других точных научных дисциплин (в частности, для понятий теоретической физики).

Более того, данная схема, описывающая процесс преобразования «мира чувственного многообразия» в «многообразии, удовлетворяющее определенным теоретическим условиям», по его мнению, вполне адекватно отображает деятельность сознания обыденного (именно к обыденному, «наивному» образу мира, «здравому смыслу», как правило, апеллирует классическая логика). Согласно «устоявшейся» точке зрения на процесс познания, сама необходимость образования родовидовых понятий обусловлена специфической особенностью мышления, запечатлевающего общие свойства объектов, при игнорировании различий - как чего-то изменчивого, непостоянного, и, следовательно, несущественного. В основе такого рода «абстракции» лежит акт отождествления наличного восприятия с некоторым прошлым впечатлением; таким образом, принимая данную точку зрения, мы, тем самым, вынуждены приписать мышлению как таковому особую функцию идентификации.

Но сам процесс идентификации (или «синтеза», как его называет Кассирер), может иметь различную направленность (ведь одному и тому же чувственному материалу могут соответствовать различные логические формы - понятия). Это определяет необходимость формулировки особых требований к представлению данного «материала»; речь идет о необходимости его расположения в «ряды сходств». Кассирер, фактически, предлагает замену классического принципа абстрагирования (понятого как процесс образования понятия путем исключения признаков, различающих объекты, и фиксации их общих черт) на некий новый принцип обобщения (не предполагающий утраты данных различающихся, специфических признаков, но заключающий в себе возможность их представления посредством некоего ряда - множества, массива - однопорядковых значений). «Без процесса подобного расположения в ряд, - говорит он, - без пробегания взором различных моментов не могло бы возникнуть сознания их родовой связи и, значит, не мог бы возникнуть и абстрактный предмет. Но этот переход от одного члена ряда к другому предполагает, очевидно, принцип, по которому он совершается и благодаря которому устанавливается род зависимости между каждым членом и ближайшим, следующим за ним» [2, с. 27].

Если до этого момента Кассирер говорил об адекватности собственной концепции образования понятий наличному материалу некоторых частнонаучных дисциплин (за классической теорией абстракции все же

признавалась функция «классификации» - пусть только в отношении того материала, с которым имеет дело биология), то теперь он переносит эту схему на всю совокупность понятий (образованных или предполагаемых), связывая образование любого их типа с определенной формой образования ряда. «Мы говорим, - продолжает он, - что некоторое чувственное многообразие логически постигнуто и упорядочено, когда члены его не находятся друг подле друга без всяких взаимных отношений, но вытекают и располагаются в необходимом порядке согласно некоторому творческому основному отношению из одного определенного начального члена. Тожество этого творческого отношения, остающееся неизменным при всем разнообразии отдельных содержаний сознания, и составляет специфическую форму понятия» [2, с. 27].

Кассирер, однако, указывает на возможность возникновения определенных сложностей формирования данного общего образа, что связывается им с «особым видом творческого отношения»; тем не менее, данная проблема не устраняет самого принципа вывода конкретного значения ряда из предшествующего. Таким образом, Кассирер предлагает, некий новый, не совпадающий с традиционным, критерий целостности, упорядоченности системы: в противовес принципу сходства, на котором основывается классическая теория абстракции, он предлагает некую зафиксированную системообразующую «руководящую» точку зрения в ее «качественном своеобразии» (при этом вся совокупность переживаний может быть представлена соответственно самым различным точкам зрения). В любом случае, подчеркивает Кассирер, определяющее значение имеет исключительно «создаваемое таким образом отношение необходимости, для которого понятие есть лишь выражение и оболочка» [2, с. 28] (сказанное не означает полного исключения из данного ряда «родового представления», но оно не должно с необходимостью пониматься в качестве «руководящей», наиболее существенной составляющей определения).

Итак, проанализировав некоторые аспекты классической теории абстракции (преимущественно, ее аристотелевско-локковский вариант, а также индуктивную логику Милля), Кассирер обнаруживает целый ряд проблем, связанных как с использованием данной теории в ходе исследования новейших данных частных наук, так и с применением ее к анализу феномена мышления в целом. То «сравнение переживаний», о котором шла речь выше, по мнению Кассирера, еще более затемняет суть проблемы: «В действительности же под одним общим, сборным именем здесь объединены весьма различные категориальные функции» [2, с. 28] (именно в вычленении этих функций и в уяснении их «формальных основных моментов» и заключается основная задача, поставленная Кассирером в самом начале своей работы).

Одним из недостатков классической теории абстракции, по сравнению с развиваемой им теоретической системой, является неспособность разрешения возникающей в ее же рамках проблемы, что связано, считает Кассирер, со смешением, стиранием границ между феноменами «категориальных форм», «на которые опирается вся определенность содержания восприятия» и «частями самого этого содержания восприятия» [2, с. 28]. Ведь «равенство» каких-либо содержаний сознания не может быть представлено в качестве какого-то нового содержания сознания, поскольку «сходство», либо «несходство» не представляют (и не могут представлять) собой элементов чувственного восприятия, аналогичных звуку, цвету и пр. Смешение «вещных свойств» и «чистых моментов отношения» имеет своим следствием факт неверного понимания основной задачи мышления. Однако упоминавшийся выше «принцип сходства» представляет собой всего лишь возможный вариант, избранный из множества логически возможных связей.

Определив, таким образом, принцип сходства, как частность, Кассирер вынужден вывести некое более общее правило, удовлетворяющее как тем условиям, которые он ранее задал сам, так и требованиям критикуемой им теории абстракции. Такого рода общему принципу, устанавливающему связь между членами ряда в каждом конкретном случае, Кассирер приписывает силу «всеобщего закона координирования». Однако, «руководящая точка зрения», обеспечивающая целостность ряда значений, еще не является таким законом: «Связь элементов ряда a, b, c..., - пишет Кассирер, - создается не благодаря некоторому новому элементу, который как бы спаян с ними вещным образом, но благодаря правилу следования, перехода от одного члена к другим, сохраняемому неизменным для всех видов членов. [Последовательность] F (a, b), F (b, c)..., дающая тип зависимости между следующими один за другим членами ряда, очевидно, не есть сама член ряда, возникающего и развивающегося согласно с ней» [2, с. 29].

Сам термин «абстрагирование» не отбрасывается, но получает у Кассирера новую интерпретацию: «единство содержания понятия может быть “абстрагировано” из отдельных элементов его объема лишь в том смысле, что на них мы создаем, узнаем то специфическое правило, благодаря которому они стоят в отношении друг к другу» [2, с. 29]. С другой стороны, отмечается положительный момент в теории абстракции, в основании которой лежит следующее допущение: «содержания», из которых должно развиться понятие, рассматриваются как система, «упорядоченное многообразие», а не в качестве разнородных, не связанных друг с другом особенностей.

«Но таким образом, - говорит Кассирер, - «понятие» не выводится, а предполагается наперед: ведь приписывая некоторому многообразию

порядок и связь его элементов, мы тем самым предполагаем уже наличность понятия, если и не в его окончательной форме, то в его кардинальной функции» [2, с. 29]. Действительно, оперируя такими категориями, как «целое и часть», «вещь и ее свойство», классическая теория абстракции предполагает истинность следующей предпосылки: мы рассматриваем «объекты» в качестве совокупности отдельных признаков; то, что оказывается результатом членения этих признаков, может оказаться тем «общим», что присуще различным группам. «Но в действительности, - говорит Кассирер, - мы имеем, таким образом, не просто описание “данного”: оно здесь уже обсуждено и образовано согласно определенному логическому противопоставлению. Но раз это признано, то сейчас же становится ясным, что мы здесь стоим перед простым началом, которое указывает на нечто, находящееся за ним. Категориальные акты, обозначаемые нами понятиями целого и части, вещи и ее свойств, не стоят изолированно, но принадлежат некоторой системе логических категорий, отнюдь не исчерпываемой целиком ими» [2, с. 30]. Основываясь на какой-то одной определенной точке зрения, невозможно перечислить все возможные варианты связей, отношений, вписанных в эту систему (хотя обратный процесс может иметь место: представив себе некий общий план системы отношений, возможно уточнение его деталей). В силу того, что «в чистой математике мы имеем область знания, в которой принципиально отвлекаются от вещей и их свойств и в основных понятиях которой не могут быть удержаны какие бы то ни было общие стороны вещей» [2, с. 30], категория «вещи» оказывается неадекватной.

В традиционном методе восхождения от частного к общему, Кассирер видит еще одну слабую сторону классической теории. Строгое следование этому методу приводит к парадоксу: поскольку мышление, с каждым новым уровнем обобщения исключает, как несущественные, какие-то определенные свойства рассматриваемых объектов, то положительная способность мышления - способность образования понятий - напрямую зависит от его неспособности фиксировать данные налицо различия отдельных случаев (эту неспособность Кассирер определяет положительно - как «счастливый дар забвения, свойственный нашему духу» [2, с. 30]). Более того, «при всяком образовании понятий, начинают с того, что на место индивидуального представления ставят обобщающий совокупный образ, а на место действительного восприятия его изувеченные, бескровные останки. Если упорно держаться этой точки зрения, то приходят к тому странному результату, что вся потраченная нами на данное логическое представление работа ведет лишь ко все большему и большему отчуждению его от нас. Вместо того чтобы глубже схватить его содержание и его строение, мы приходим лишь к поверхностной схеме, в которой сгладилась все характерные черты особенного случая» [2, с. 31].

Возможность «снятия» практически всех указанных проблем, Кассирер находит, обратившись все к той же математике⁴. Уже затронув ранее вопросы, касающиеся специфики данной дисциплины, и проведя разграничение между биологическими и математическими понятиями, он, на этот раз, указывает на принципиальное отличие, «обособление» последних от понятий онтологических. Разумеется, сама проблема соотношения данных двух типов понятий не является, строго говоря, чем-то абсолютно новым. Так, Кассирер упоминает в этой связи имя Ламберта; последний как раз полагал сильной стороной математических общих понятий факт сохранения за ними определенности частных случаев, к которым они должны быть применены (этот критерий научного понятия - как особо важный - уже упоминался Кассирером). И, вероятно, самым важным моментом здесь является возможность выведения (восстановления) данных частных случаев посредством математической формулы. Классическое правило восхождения от частного к общему достаточно просто и удобно; трудности же возникают при попытке проведения процесса «в обратном направлении» - то есть при попытке исследователя определить частное, исходя из общего («ведь, абстрагируя, он оставил в стороне все особенные признаки, так что он не может обратно найти их и еще менее способен точно сосчитать все те перемены, которым они доступны» [2, с. 32]).

Полностью согласившись с ламбертовской оценкой сложности, возникающих на пути принципа абстрагирования, Кассирер принимает и его трактовку математического общего понятия, перенеся ее на область научных понятий в целом. Основываясь на этих идеях, Кассирер указывает на тот факт, что понятие включает в себя «универсальное правило для связывания самого особенного» [2, с. 32]. В качестве примера он приводит формулу кривых второго порядка, исходя из которой можно получить «частные геометрические образы круга, эллипса и т.д., рассматривая, как переменный, некоторый определенный параметр, входящий в общую формулу, и придавая ему непрерывный ряд значений. Общее понятие оказывается здесь более богатым по содержанию. Кто владеет им, тот может вывести из него все математические отношения, наблюдаемые в каком-нибудь частном случае, не изолируя в то же время этот частный случай, но, рассматривая его в непрерывной связи с другими случаями, то есть в его более глубоком, систематическом значении» [2, с. 33]. Перенеся конструкцию математического понятия из области соответствующей этому понятию дисциплины, в сферу более широкую, Кассирер предлагает использование термина «функция» в применении к особому правилу (закону), распространяющемуся на все те частные случаи, к которым он может быть применим (в соответствии со всей совокупностью значений, которые может принимать переменная). Есте-

венно, что, зафиксировав данное правило для всех понятий, Кассирер говорит о применении собственной формы логики и к материалу естествознания (поскольку описанный ранее «идеал научного понятия» представляет, по его словам, всеобщую схему и образец).

Очевидно, что, в соответствии с принципом абстрагирования, понимаемым в ламбертовском смысле - как отрицание - закон обратного отношения между объемом и содержанием понятия рассматривается в качестве некоего предписания, в соответствии с которым, по мере обобщения понятия, происходит обеднение его содержания, приводящее к «ничто», по отношению к конкретным случаям (именно так в начале своей работы трактует его Кассирер). Однако, говорит он теперь, подобное понимание (и невозможность выхода за пределы) указанного закона зависит от принятия следующего допущения: «всякая определенность заключается лишь в постоянных признаках, в вещах и их свойствах» [2, с. 36]. Если предположить возможность изменения, переформулирования данного допущения, то, соответственно, появляется и возможность новой интерпретации закона: «чем более понятие лишается всякого вещного бытия, тем более, с другой стороны, выдвигается его функциональная деятельность» [2, с. 36]. Интересно, что предпосылки такого рода формулировки, Кассирер находит и у приверженцев теории абстракции (в частности, ее «психологической линии»).

Так, Б. Эрдманн выделяет две фазы в процессе образования понятия: если в продолжение первой из них «извлекается нечто общее благодаря тому многообразию, с которым оно повторяется посреди изменяющихся частных» [2, с. 37], то во второй - «сознание однообразия дополняется и исправляется сознанием связи; и это дополнение простирается настолько далеко, что под конец мы для установления какого-нибудь понятия перестаем вовсе нуждаться в многократном повторении “одинакового” содержания» [2, с. 37] (подобная мысль уже встречалась у Ламберта). В соответствии с вышесказанным, Эрдманн вводит новые термины: «предметы первого порядка» (то есть предметы чувственного восприятия), которым противопоставляются «предметы второго порядка». «Повсюду, - говорит он, - где мы связываем какие-нибудь предметы нашего мышления в один предмет, мы создаем таким образом новый “предмет второго порядка”, все содержание которого выражается в отношениях, образующихся благодаря акту соединения между отдельными элементами» [2, с. 37].

По мнению Кассирера, это последнее разграничение (которому сам Эрдманн, по-видимому, не уделил достаточного внимания) совершенно несовместимо с традиционной теорией абстракции, в рамках которой оно было проведено. Утверждение несоответствия «индивидуальных содержаний восприятия» «предметам второго порядка» и признание за

ними собственной «сущности»⁶ и структуры, обуславливает постановку проблемы их соотношения с сознанием. Очевидно, что чувственного переживания как такового недостаточно для «схватывания» сознанием понятия, поскольку чувственное переживание «[...] касается исключительно определенного единичного предмета или множества подобных единичных предметов; но никакое суммирование отдельных случаев не может никогда создать то специфическое единство, которое мыслится в понятии [...] Ведь внимание соединяет или разъединяет лишь те составные части, которые уже даны в восприятии; но оно не может придать этим составным частям никакого нового смысла и никакой новой логической функции. Но именно подобное изменение функции и превращает содержания восприятия и представления в понятия в логическом смысле слова» [2, с. 38-39].

Простой описательный анализ процессов сознания показывает различие между этими двумя типами «объектов»: «Чувственное представление числа “четыре” как совокупности четырех конкретных объектов, элементов - всегда ограничено индивидуальными условиями, индивидуальными Теперь и Здесь»; тогда как введение его в контекст математически значащего суждения, и, соответственно, в контекст объективной связи отношений, означает преобразование его в понятие: «Логическая определенность числа “четыре”, - говорит Кассирер, - дана благодаря его нахождению в ряду идеальной - и поэтому вневременно-значащей - совокупности отношений, благодаря его месту в математически определенной числовой системе» [2, с. 39] (отсюда возникает проблема соотношения значения «материального чувственного содержания» элемента и его значения в контексте познания).

Выводы

Проведя анализ классической теории абстракции, и поместив результаты этого анализа в контекст собственной теории образования понятия, Кассирер подводит некоторые итоги проделанной им работы. Принципу сходства (как признанию «равенства» определенных содержаний представления, на котором, в частности, основывается эмпирико-психологическая теория абстракции), адекватность и тождественность которого «психическому факту» для представителей данной теории очевидна, - Кассирер противопоставляет «отношение», как данность, в связи с которой только и можно говорить о «сходстве» элементов системы. «Но это тождество отношения, - продолжает он, - тождество точки зрения, под углом которой происходит сравнение, есть нечто особенное и новое по сравнению со сравниваемыми содержаниями. Различие между этими содержаниями, с одной стороны, и между логическими “видами”

(Species), в которых мы мыслим их объединенными, с другой, есть неразложимый далее факт. Оно категориального порядка и относится к “форме сознания”. Действительно, здесь находит свое выражение характеристичное противоречие между членом ряда и формой ряда. Содержание понятия нельзя разложить на элементы объема его, ибо и первое, и второе принадлежат к принципиально различным измерениям. Сколько бы мы не насчитали случаев закона, мы не исчерпаем этим значения закона, связывающего отдельные члены, ибо при этом перечислении отпал бы как раз творческий принцип, соединяющий отдельные члены в одну функциональную совокупность» [2, с. 40].

Установив различие между отдельным элементом ряда и формой этого ряда, Кассирер определяет для себя задачу дальнейших исследований как анализ «совокупности и градации чистых “форм ряда”»; область исследования в дальнейшем составляют точные дисциплины - арифметика, геометрия, физика, химия. Наиболее важное, в данном случае, методологическое основание его дальнейших исследований в указанной области - это анализ понятия, в соответствии с его «логическим значением»; применение исключительно такого рода критерия определяет принципиальную независимость результатов исследований от какой-либо «метафизической», «психологической» нагрузки. Однако последующее ограничение поля исследовательской деятельности рамками формальной логики ни в коей мере не означает ни ограниченного характера самого исследования, ни невключенности этой логики в рамки общей философской системы. Факт взаимосвязи формальной логики и философии, в определенном смысле, гарантирован результатами уже проведенной Кассирером работы: той своеобразной «ревизией» оснований логики и, соответственно, «очищением» ее от «закоснелости» и негативного влияния догматизма. С другой стороны, по словам самого Кассирера, «каждое преобразование какого-нибудь “формального” (в настоящем и плодотворном смысле слова) понятия влечет за собой немедленно новое понимание всей области, которую оно упорядочивает и над которой оно господствует» [2, с. 40].

Анализ кассиреровской концепции образования понятий позволяет сделать вывод о значимости философских предпосылок для анализа формы и содержания научного знания, а также - о необходимости глубокой теоретико-познавательной проработки опыта и достижений конкретных наук (естественных и гуманитарных). Теоретико-познавательный анализ опыта применения и использования научных абстракций и понятий в современном научном познании свидетельствует о диалектическом характере этого процесса, о развитии и изменчивости форм научного познания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ - Для Локка, достойного представителя британского номинализма, «всеобщее» есть изобретение разума, касающееся только знаков и не имеющее отношения к «действительному существованию»: «его общая природа есть не что иное, как данная ему разумением способность обозначать или представлять много отдельных предметов; значение его есть лишь прибавленное к нему человеческим разумом отношение» [3, с. 471].

² - Такого рода понимание аристотелевского термина «форма» свойственно, в частности, и Локку. Человеческий разум, считает он, «использует наблюдаемое между вещами сходство для образования отвлеченных общих идей и устанавливает их в уме вместе с относящимися к ним именами в качестве образцов или форм» [3, с. 472]. Использование данного термина, по его мнению, оказывается здесь вполне уместным и очень удобным: процесс классификации, распределения по видам и родам конкретных вещей означает своего рода «примеривание» их к определенной «форме».

³-Хотя, в определенном смысле, можно говорить о «приоритетном положении» «отношения» в системе категорий Локка: идея отношения (также, как и модуся) может быть названа прообразом, и, чисто логически, приобретает соответствующий статус адекватности (неадекватность может иметь место, но в отношении установленного имени, а не качества. К идее же субстанции данная операция попросту неприменима: так как она может либо относиться к «предполагаемой реальной сущности каждого вида вещей» [3, с. 432], либо «служить в уме изображениями и представлениями существующих вещей через посредство идей тех качеств, которые можно обнаружить в вещах» [*ibid.*], она представляет собой своего рода копию «подлинников» и «прообразов».

⁴ - И хотя можно сказать, что - в традициях Марбургской школы неокантианства - математика полагается Кассирером в качестве логико-методологической основы науки в целом (здесь очевидно влияние кантовского принципа: в нашем знании ровно столько науки, сколько в нем математики), с самого начала своей работы он не придает математике подобного статуса по отношению к другим научным дисциплинам. Проиллюстрировать «развертывание» степени влияния этой дисциплины вплоть до признания ее соответствующим «фундаментом» научного знания, отчасти можно, последив процесс постепенного распространения кассиреровской концепции образования понятий на все более широкие сферы. Если вначале Кассирер ограничивает область ее применения математикой (признавая адекватность «родовидового правила» для некоторых естественнонаучных дисциплин), то затем он говорит о принципиальном различии между метафизическими понятиями и понятиями, имеющими отношение к естествознанию в целом; и, наконец, охарактеризовав математическое понятие как идеал научного, он признает правомерность применения последнего по отношению ко всему возможному многообразию понятий (перенесая, таким образом, разработанную им схему образования математических понятий на всю совокупность понятий, в том числе, и научных).

ЛИТЕРАТУРА

1. **Аристотель** *Категории* // Аристотель *Сочинения* в 4-х т.- М.: Мысль, Т. 2, 1978. - С. 51-90.
2. **Кассирер Э.** *Познание и действительность: Понятие о субстанции и понятие о функции.* - СПб.: Изд. Шиповникъ, 1912, 456 с.
3. **Локк Дж.** *Опыт о человеческом разумении* (Кн. I-III) // Локк Дж. *Сочинения:* в 3-х т. - М.: Мысль, Т. 1, 1985, С. 78-458.